

СОДЕРЖАНИЕ

<i>П.Э. Подалко</i>	
Японоведение в России в постсоветскую эпоху: взгляд из Японии.....	9
От редакторов: взгляд из России.....	17

Люди

<i>О.К. Матвеева</i>	
Человеческое лицо нарского буддизма: благочестивая дружба государыни Ко:кэн и монаха До:кё:.....	27
<i>А.Н. Мещеряков</i>	
Обычай <i>инкё</i> («сокрытое бытие») и его социально-политические последствия в периоды Токугава и Мэйдзи	39
<i>А.П. Беляев</i>	
200 работ, 200 каллиграфов. Олимпийская антология письма	54

Книги

<i>Е.М. Дьяконова</i>	
Приемы традиционной поэзии в прозе Кавабата Ясунари. Стихотворения «нанизанных строф» <i>рэнга</i> и повесть «Озеро»	71
<i>Со:ги, Сё:хаку, Со:тё:</i>	
Сто строф трех поэтов на горе Юяма. Перевод и примечания <i>Е.М. Дьяконовой</i>	84
<i>В.С. Фирсова</i>	
Книжные коллекционеры эпохи Эдо и их деятельность.....	89
<i>М.В. Торопыгина</i>	
Критика «однойеновых книг» современниками: брошюра Миятакэ Гайкоцу «Разлагающее влияние моды на однойеновые книги и закулисные истории, с ней связанные» (« <i>Итиэн рюко-но гайдоку то соно римэндан</i> », 1928 г.)	101
<i>Миятакэ Гайкоцу</i>	
Разлагающее влияние моды на однойеновые книги и закулисные истории, с ней связанные (фрагмент). Перевод и примечания <i>М.В. Торопыгиной</i>	110
<i>И.В. Мельникова</i>	
Японские писатели первой половины XX в. и наследие Уэда Акинари (1734–1809).....	119

Ёмота Инухико

- Литературная вселенная Идзуми Кёка.
Перевод и примечания А.П. Беляева 136

Досуги и искусства*Е.Э. Войтишек, А.А. Азекян*

- Реконструкция древней японской игры *тёбо* (*кариути*):
источники и контекст 145

И.А. Тюленев

- «Причина развала страны»: критика увеселений
и излишеств придворной аристократии в Японии XIV в. 156

А.В. Кудряшова

- Сэн-но Рикю — мастер, опередивший время 170

П.В. Самсонова

- Театр в эпоху перемен: деятельность Каваками Отодзиро 178

Науки и технологии*П.В. Голубева*

- Особенности историописания в Японии (исследование-сравнение
«Дзинно:сё:то:ки» и «Токуси Ёрон») 189

В.Ю. Климов

- Историческая наука и изучение религиозного движения
икко:-икки в Японии (1868–1940) 200

К.А. Спицына

- Из истории основания Монетного двора Японии в период Мэйдзи:
люди и события 214

Д.С. Разухина

- Корреляция признания памятников архитектуры периода Мэйдзи
объектами культурного наследия и социо-культурной
и экономической конъюнктуры Японии в XX–XXI вв. 226

Верования*А.А. Петрова*

- Деяния досточтимого Дзо:га в тексте и с картинками:
свитки «Дзо:га-сё:нин гё:гё:ки-эмаки»
Деяния досточтимого Дзога в картинках.
Перевод и комментарии А.А. Петровой 235

Н.Н. Трубникова

«Предания нашей страны о бессмертных чудотворцах»
Ооэ-но Масафусы в традиции поучительных рассказов 253

М.С. Коляда

Огонь и Святое учение: вражда храмов в поучительных
рассказах *сэцува* (по материалам «Бесед о делах старины»)..... 267

Странствия

Эннин

Записи о паломничестве в Китай в поисках Закона Будды
(*Нитто: гухо: дзюнрээй ко:ки*). Свиток второй (продолжение).
Перевод и комментарии Н.В. Власовой..... 281

Могамы Токунаи

Айнские тетради (*Эдзо со:си*). Том второй.
Перевод и комментарии В.В. Щепкина 298

О.И. Лебедева

Маньчжурский травелог Ёсано Акико в контексте эпохи 315

М.Н. Малашевская

Образ Западного края в «Антологии Шелкового пути»
(«*Сируку ро:до сисю:»*) Иноуэ Ясуси..... 323

Воины

А.М. Горбылёв

Зарождение «науки для воинских домов»:
Ямага Соко и его руководство «Начала воспитания воина» 339

А.Ю. Луценко

Советы по управлению и обсуждение истории
в дидактическом комментарии «*Тэйканхё:*» XVII в. 351

С.С. Наумов

Альберт Дю Буске и его «Предложения» по модернизации
вооруженных сил Японии (1872 г.)..... 360

Россия и Япония

Е.И. Нестерова

Японское присутствие в Цзяньдао (Маньчжурия)
после Русско-японской войны 367

В.В. Хомченкова

Гастроли театра Кабуки в СССР в 1928 г.

От дипломатического проекта к национальному событию..... 381

М.С. Болошина

О сингулярном подходе японских русистов к исследованию

русской литературы 392

Об авторах..... 398

Abstracts..... 401

Японоведение в России в постсоветскую эпоху: взгляд из Японии

П.Э. Подалко

Достижения российского японоведения в дореволюционный и советский периоды достаточно хорошо известны. В данной статье автор рассматривает постсоветский период, выделяя наиболее проблемные, по его мнению, аспекты. Тема предполагает полемичность, ибо текущее состояние российского японоведения, по мнению автора, весьма далеко от желаемого. Ситуация вполне может и должна быть изменена к лучшему, и автор выражает надежду, что будет не только услышан и понят коллегами, но и внесет свой вклад в продуктивный и взаимно-полезный диалог на благо отечественной науки и практики.

Среди плюсов эпохи, наставшей после окончания «холодной войны», следует прежде всего назвать открытие границ. Невозможно полноценно изучать историю, экономику и культуру народов мира исключительно по учебникам и справочникам, как невозможно как следует изучать иностранные языки, не имея возможности погружения в их среду и не общаясь с носителями изучаемого языка. В этом вопросе следует отметить безусловный прогресс современного российского японоведения, как качественный, так и количественный. Число специалистов, посещающих зарубежные страны, а также объем студенческих и научных обменов за три десятилетия, прошедших после 1991 г., выросли в десятки раз по сравнению с советской эпохой. Были открыты новые темы для исследования, выросли масштабы научных публикаций. У некоторых современных авторов число изданных за этот период монографий измеряется в десятках, а число статей — в сотнях.

В большинстве регионов России сейчас есть возможность изучать различные восточные языки и культуры, причем не только в вузах, но и на многочисленных языковых курсах и в иных местах, тогда как в СССР официально изучать, например, японский, китайский, корейский языки и получить по окончании учебы диплом с указанием соответствующей специальности можно было лишь в трех городах: Москве, Ленинграде и Владивостоке. Названные языки преподавались также (в качестве факультативов либо дополнительного предмета к основной специальности) в Новосибирске, Иркутске и Южно-Саха-

линске. Расширение возможностей не может не радовать, однако оно сопряжено с новыми проблемами.

По данным на апрель 2021 г., в Российской Федерации насчитывалось двадцать четыре университета (вместе с филиалами) со специальностью «Востоковедение и африканистика» (58.03.01), куда входит также японоведение¹. Из них девять находились в Москве, два — в Санкт-Петербурге; остальные — преимущественно в европейской части страны; к востоку от Урала лишь четыре университета с такой специальностью: в Екатеринбурге (УрФУ), Новосибирске (НГУ), Улан-Удэ (БГУ) и Владивостоке (ДВФУ). По информации с другого интернет-ресурса, таковых вузов в России насчитывалось всего шестнадцать; из них пять в Москве, два в Санкт-Петербурге, три — на Урале и в Сибири². Расхождение данных говорит, прежде всего, о несогласованности выставляемых в сеть данных вузов, а также и общем несовершенстве отечественных сетевых источников. Удивительно, что в списках отсутствуют многие университеты, где востоковедческие специальности присутствуют, — такие как МГИМО (Москва), НИИХ и НГТУ (Новосибирск), ЧГУ (Челябинск) и многие другие. В ряде мест востоковедение, включая японоведение, относится к специальности «Зарубежное регионоведение» (41.03.01), представленной в сорока четырех университетах в двадцати трех городах России³. Едва ли подобная многовариантность названий идет на пользу востоковедению. Она порождает разноречивые стандарты обучения и затрудняет понимание: кого, собственно, считать востоковедом? Кто из прошедших обучение по тем или иным программам «на выходе» становится полным специалистом, а кто, как писали в аттестатах прежних времен, всего-навсего «имеет сведения...»? Подобные вопросы нуждаются в четких и недвусмысленных ответах.

Кого же следует считать востоковедом? Что правильнее поставить здесь во главу угла: свободное владение восточным языком? Практическое знание культуры и быта той или иной страны на основании личного опыта, добытого в ходе пребывания в ней — в ином качестве, нежели в качестве обычного туриста? Хорошее знакомство с библиографией по данной стране, включая переводы иностранных авторов? Вопрос на самом деле не так прост, как может показаться на первый взгляд. Когда-то востоковедами именовали, прежде всего, дипломатов со знанием восточных языков; позднее это определение распространилось на широкий круг знатоков той или иной восточной страны, использующих эти знания в своей регулярной работе. Попытка простейшей классификации приводит к тому, что сегодняшний востоковед, в зависимости от выбранного критерия, принадлежит к одной из групп:

- а) знаток того или иного восточного языка, квалифицированный переводчик;
- б) знаток культуры и истории той или иной восточной страны (на основании личного опыта работы и проживания в ней);

¹ URL: <https://vuzoteka.ru/> На 2023 г. — 21 вуз (ред.).

² URL: <https://vuzopedia.ru/spec/466/vuzy> На 2023 г. — 22 вуза (ред.).

³ URL: <https://vuzopedia.ru/spec/34/vuzy?page=3> На 2023 г. — 53 вуза в 30 городах (ред.).

в) ученый, использующий переводные материалы и другие вторичные источники;

г) ученый со знанием восточного языка.

Все перечисленные варианты имеют достаточно произвольное толкование в зависимости от каждого конкретного случая, что на практике нередко порождает конфликтные ситуации — как бывает всегда при отсутствии четких критериев оценки. С этим же связан постоянный рост числа самопровозглашенных знатоков тех или иных стран и культур, чему немало способствовали открытие границ и расширение масштабов культурных и студенческих обменов в постсоветскую эпоху.

Единственным официальным показателем того, что перед нами — действительно ученый, как и прежде, является наличие ученой степени как минимум кандидата наук, для чего требуется написать и защитить диссертацию. Однако в последние десятилетия это стало неожиданной проблемой. Если в 2010 г. в России действовало 3066 диссертационных советов, то после ряда реорганизаций их число существенно сократилось: уже в декабре 2013 г. была приостановлена работа 602 диссертационных советов, с июля по ноябрь 2014 г. прекращена работа 752 и приостановлена — 157 советов (при этом 433 совета оказались объединены с другими), а общее число диссертационных советов за этот же срок уменьшилось с 3161 до 2700 (по данным газеты «Коммерсант» от 23.01.2015). На октябрь 2014 г. в России было зарегистрировано 2522 действующих диссертационных совета. Согласно рекомендациям экспертов ВАК, тогда же рекомендовалось закрыть 444 и реорганизовать (обычно путем объединения с другими) 555 советов — с тем чтобы в итоге в Российской Федерации осталось всего 1798 диссертационных советов (по данным «Коммерсанта» от 24.10.2014). По данным Википедии, в марте 2018 г. число диссоветов составляло немногим более 2000⁴. С 2017 г. был начат процесс наделения отдельных вузов и научных учреждений России правом самостоятельного утверждения диссертаций, защищенных в их диссертационных советах. На 2022 г. таким правом обладали всего двадцать пять вузов, а также семь научно-исследовательских институтов.

На сегодняшний день сложилась крайне противоречивая ситуация: например, на всем восточном пространстве России от Урала до Тихого океана найти диссертационный совет по специальности «Востоковедение» является чрезвычайно сложной задачей. На западе страны ситуация чуть лучше, хотя в ведущем профильном НИИ, Институте востоковедения РАН, на сегодняшний день существуют диссертационные советы только по историческим и историко-политическим наукам; советы по филологическим и экономическим наукам закрыты с 2015 г.

1993 г., ставший первым полностью «постсоветским» годом новой российской вузовской науки, для японистов Института стран Азии и Африки (ИСАА)

⁴ URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%94%D0%B8%D1%81%D1%81%D0%B5%D1%80%D1%82%D0%B0%D1%86%D0%B8%D0%BE%D0%BD%D0%BD%D1%8B%D0%B9_%D1%81%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%82

МГУ оказался рекордным: тридцать выпускников (стандартный выпуск прежде редко превышал десять человек в год). Из них в очную аспирантуру поступил лишь один, на дипломатическую службу в МИД были приняты двое молодых японоведов, остальные же предпочли «вольные хлеба», благо система обязательного распределения тогда была уже официально отменена⁵.

Когда в 1970 г. в городе Осака проходила Всемирная выставка «ЭКСПО-70» (впервые в истории выставка такого масштаба проводилась в Азии), для обслуживания советского павильона и организации многочисленных экскурсий, а также для помощи в проведении различного рода представительских мероприятий в других местах Японии в Осака были отправлены в качестве переводчиков студенты старших курсов (некоторым из них это зачли потом как языковую стажировку), аспиранты и преподаватели со знанием японского языка из вузов Москвы, Ленинграда и Владивостока. Многих из них автору настоящей статьи довелось потом встречать в Японии в звании преподавателей уже русского языка; почти все оказались здесь в конце 1980-х — начале 1990-х годов, сформировав фактически одну из первых волн печально известной «утечки мозгов» из распадавшегося тогда СССР. Особенно тяжелым по последствиям оказалось убытие большого числа уже сформировавшихся специалистов, уважаемых учениками и имевших значительный авторитет среди коллег. Не всем из них удалось сохранить в Японии свой профессиональный уровень: многие, оказавшись в новых условиях, превратились в обычных переводчиков, некоторые стали работать в бизнесе, но что гораздо хуже — были оголены целые направления специализации японоведов в самой России, где потребовались долгие годы для восполнения недостачи преподавательских и исследовательских кадров.

Среди тех, кто после переезда в Японию сумел сохранить преподавательский статус, многие оказались вынуждены сменить основную специализацию. Так, ряд дипломированных филологов, прежде преподававших в СССР и России восточные языки, внезапно ощутили себя историками, радикально (и не всегда удачно) сменив круг профессиональных интересов. Одна из главных причин такого поворота в том, что именно изучение проблем недавней истории, освещаемых под определенным углом и с определенными результатами на выходе, наиболее охотно спонсировались зарубежными фондами, как правительственными, так и частными. Система грантов, достаточно быстро внедренная теперь и в Российской Федерации, существенно изменила прежнюю систему научных планов и, по сути, дискредитировала ее: масштабы финансирования были несопоставимы и напроочь отбивали желание заниматься наукой ради науки.

Приведу пример. Аббревиатуру JSPS, как и словосочетание «стипендия Момбусё», знают все российские японоведы от мала до велика. Первая расшифровывается как “Japan Society for Promotion of Science” и ставит целью предоставление грантов и приглашение на работу в Японию на различные сроки молодых специалистов из разных стран мира; вторая является стипендией Министерства образования и науки для желающих учиться в Японии

⁵ Из материалов интервью автора с одним из выпускников того года, проведенного 15 сентября 2021 г.

иностранцев, кандидатуры которых определяются в ходе отбора сотрудниками дипломатических представительств Японии в соответствующих странах. Если гранты JSPS помогают привлечь в страну уже готовых профессионалов с ученой степенью (как правило, не ниже кандидата наук), то «стипендия Момбусё» рассчитана на выпускников бакалавриата, готовых продолжать учебу в Японии, получая при этом солидную ежемесячную стипендию на протяжении от полутора до шести лет (в качестве стажера, магистранта и затем докторанта). При этом контроль за процессом обучения иностранного студента, как правило, осуществляется достаточно формально, и даже в случае досрочного прекращения обучения (как и по окончании того или иного курса без защиты диплома/диссертации), потраченные деньги не взыскиваются — то есть, получив «стипендию Момбусё», иностранец автоматически обретает возможность жить, учиться и работать в Японии, не имея никаких серьезных встречных обязательств. Неудивительно, что значительная часть иностранных студентов — и абсолютное большинство известных автору россиян — по завершении выплат остается в Японии, вступая в брак или устраиваясь на какую-то работу (чему способствуют личные связи, обретенные за время обучения), становясь, таким образом, потерянными для России. С формальной стороны главным поводом для участия в конкурсе на получение подобных грантов и стипендий является наличие у соискателя интереса к японской культуре; при этом знание японского языка не является обязательным условием — однако фактически именно студенты и аспиранты с хорошим знанием языка составляют основную массу получателей места в университетах Японии, и лишь считанные единицы из них впоследствии продолжают заниматься наукой.

В то же время я бы не стал огульно обвинять «наших за границей» в пренебрежении российскими интересами, ибо во многом причины отказа от научной карьеры в России лежат на российской стороне. Так, по сей день остается нерешенной задача признания в России ученых степеней и званий, получаемых российскими гражданами за рубежом. В 2008–2012 гг. удалось заключить соглашение о признании в Российской Федерации дипломов и ученых степеней, полученных в ряде государственных университетов Японии, — но их перечень включает в себя лишь «большую семерку» бывших императорских университетов⁶ плюс относительно новый университет Цукуба. Что же касается российских выпускников всех прочих японских вузов, то, как бы ни были велики их научные достижения в Японии, в случае возвращения домой они оказываются в положении «бедных родственников», которым приходится либо начинать все заново (худший вариант), либо соглашаться на более низкий уровень признания и оплаты⁷. Трудно осуждать тех коллег, кто в такой ситуации выбирает научную карьеру вне России.

⁶ Университеты Токио, Осака, Киото, Хоккайдо, Нагоя, Тохоку, Кюсю.

⁷ Хотя практически все российские кандидаты наук в общении с зарубежными коллегами официально именуют себя «докторами», российские обладатели иностранных докторских степеней (PhD) очень неохотно признаются таковыми в России, где часто подчеркивают «недостаточность» уровня зарубежного PhD в сравнении с российским доктором наук.

Уместно привести для сравнения пример соседей по региону: решение о взаимном признании в Российской Федерации и КНР дипломов, ученых степеней и званий было принято еще в 1995 г., что весьма способствовало развитию связей двух стран в области науки, культуры и образования.

Потери кадров в результате оттока из России в Японию перспективной молодежи в 1990-х годах начали постепенно компенсироваться в начале следующего века, но возникший к тому моменту возрастной дисбаланс, иногда называемый «разрывом поколений», сохраняется вплоть до нынешнего времени.

Рассмотрим другую проблему: проблему авторского права. С начала 1990-х в России и странах СНГ резко выросло количество новых учебных пособий по восточным языкам для всех уровней владения языком; японский язык был в этом смысле одним из лидеров. Однако значительное число появившихся на книжном рынке учебников, разговорников и проч., представляли собой не что иное, как простой перевод на русский язык аналогичных изданий, ранее уже вышедших за рубежом (включая собственно Японию) и предназначенных в основном для англоязычной аудитории. Бывали случаи, когда русский перевод в таких изданиях давался достаточно формально, при параллельном сохранении комментариев и примеров на английском и других европейских языках.

Данная тема относится к разряду наиболее деликатных, ибо вопросы авторского права, когда дело касается зарубежных изданий и переводов их на русский язык, и в СССР, и в современной России решаются почти всегда весьма непрозрачным образом. Отсутствие сколько-нибудь заметных скандалов как в прессе, так и в профессиональном сообществе японоведов не дает оснований напрямую говорить о плагиате в том или ином конкретном случае. Однако простое сравнение количества учебных пособий, изданных до и после открытия границ, наводит на мысль о возможности широкого использования ранее изданных за рубежом пособий в подготовке новых отечественных изданий.

Одной из наиболее трудноразрешимых проблем для любого начинающего исследователя во все времена была проблема опубликования результатов проведенного исследования в возможно более полной форме — иными словами, выход в свет авторской монографии. Для японоведов в наши дни это особенно трудно сделать как в силу ограниченности читательской аудитории, так и в силу специфики российского издательского бизнеса. Как правило, все или почти все в 1990-е годы и позднее осуществлялось исключительно благодаря наличию личных связей; многое было фактически отдано на откуп японской стороне. Например, благодаря деятельности японского Фонда имени Умэда Ёсими, в 2013–2018 гг. в Москве в Институте востоковедения РАН в рамках проекта «Новые исследования по японской культуре» было осуществлено издание пяти авторских монографий «молодых, начинающих» (таково было условие издателя. — П. П.) авторов:

Федянина В.А. Покровитель словесности и воплощение бодхисаттвы: Сугавара Митидзанэ и ранняя история культа Тэндзин (IX–XII вв.). М.: Кругъ, 2014.

Полхов С.А. Законодательные уложения Сэнгоку дайме: Исследования и переводы. М.: Кругъ, 2015.

Бабкова М.В. Наставник созерцания Догэн: жизнь и сочинения: вместилище сути истинного закона. М.: Кругъ, 2016.

Щепкин В.В. Северный ветер. Россия и айны в Японии XVIII века. М.: Кругъ, 2017.

Дулина А.М. Метаморфозы Хатиман: грозный бог войны или милосердный бодхисаттва? (Становление и эволюция культа божества Хатиман в Японии в VIII–XIV вв.). М.: Кругъ, 2018.

Но данный пример — скорее исключение из общей практики, и, кроме того, по сведениям автора статьи, информация о возможности напечататься в рамках данного проекта широко не анонсировалась и сколько-нибудь массового конкурса работ также не проводилось.

Отдельно следует упомянуть о проблеме японоведческих периодических изданий, состояние которых не внушает оптимизма. Так, ежегодник «Япония», бывший с момента своего основания (в 1972 г.) флагманом отечественного японоведения с тиражом 25 тыс. экземпляров 1981 г., к 1999 г. сохранил лишь 500 экземпляров, а к 2017 г. — 300 экземпляров. Это, по сути, означает недоступность издания потенциальным читателям. Другой популярный среди японоведов журнал «Знакомьтесь — Япония», ежеквартально издававшийся тиражом около 10 тыс. экземпляров Центром по изучению современной Японии (создан в 1993 г. на основе соглашения между Российской академией наук и Японским фондом), продержался полтора десятилетия и прекратил существование в 2009 г., выпустив в общей сложности всего 50 номеров.

В 2008 г. в Москве вышел двухтомный биобиблиографический словарь «Востоковеды России. XX — начало XXI в.», под редакцией С.Ф. Милибанд, ставший обновленной версией аналогичных изданий 1975 и 1995 гг. Несмотря на весьма солидный объем (968 и 1005 с.), в нем не нашлось места множеству имен российских ученых из числа тех, кто трудится за рубежом. Научные достижения многих отечественных востоковедов попросту остаются неведомы многим коллегам в самой России. Это не только ограничивает возможности профессионального взаимодействия самих японоведов по обе стороны границы, но также лишает российские вузы и академические институты возможности установить прочные контакты «на перспективу», завязать устойчивые обменные отношения с потенциальными японскими партнерами, ибо отсутствие информации не дает оснований возникнуть взаимному интересу.

Одним из рудиментов подготовки отечественных японоведов, берущим свое начало в советской эпохе, остается ярко выраженный «японоцентризм», нехватка базовых знаний в смежных специальностях. В качестве одного из примеров можно привести следующее: традиция изучения китайского языка и основ китайской культуры, характерная для дореволюционной подготовки японоведов, оказалась утрачена в советский период, и в постсоветское время восстанавливается далеко не всюду и с огромным трудом.

У многих японоведов можно наблюдать достаточно странные личные отношения с Японией: она неизменно остается своего рода «страной мечты» при отсутствии сколько-нибудь критического взгляда на многие аспекты, и, что логично, — без особого желания замечать происходящие перемены. Таким

образом, для многих «самой настоящей Японией» остается Япония книжная, страна из рассказов, переданных представителями старших поколений, многие из которых, в свою очередь, восприняли некогда этот образ по сходному сценарию в условиях невозможности в те годы получить полноценные личные впечатления.

Сочетание узкой (иногда чрезмерно узкой) специализации при недостатке «макрознаний» нередко ведет к сужению перспективы исследовательской работы, а это, в свою очередь, — к повторению уже сделанного другими. Одновременно остается множество тем, практически нетронутых российскими учеными, что особенно огорчает — при том, что в настоящее время с каждым годом все больше материалов становятся доступны исследователям, и очень многие вопросы требуют ответов, иногда — вполне срочных.

Еще одна особенность российского востоковедения, также берущая начало в советской эпохе с ее закрытостью границ и отсутствием личных впечатлений, связана с тем, что изучение любой зарубежной страны и культуры у нас в большинстве вузов начиналось с изучения соответствующего языка, и лишь спустя какое-то время к этому добавлялись история, экономика, политика и т.д. Мистика приобщения к звукам и знакам чужой речи в достаточно юном возрасте, активно сдобренная личным воздействием преподавателя, чаще всего искренне влюбленного в свой предмет, сплошь и рядом приводила к идеализации изучаемой страны и ее культуры, выделяя ее из общего числа регионов мира. Невозможность сравнить свои юношеские представления с реальным положением дел вела к дальнейшему закреплению этих образов, со всем набором как плюсов, так и минусов подобной консервации. Таким образом, студенты с самого начала прочно попадали под обаяние своих ожиданий, в результате чего и после, уже получив возможность сравнить их с реальностью, нередко отказывались от пересмотра сложившихся стереотипов. Такой подход, к слову, имеет определенные исторические предпосылки: если западный европеец или американец видел в жителях восточных стран в первую очередь объект захвата и присвоения, то русские в силу особенностей своей географии и истории делали ставку на взаимодействие и интеграцию. Источником знаний об изучаемой стране для первых зачастую служили диссиденты и противники существующего там режима; для вторых — поклонники всего там представленного. Западная аналитика, прямо или косвенно замешанная на недоверии, здесь противостоит «любви до гроба», основанной на восторге от собственного приобщения к чужой непохожести. Если европеец сплошь и рядом изучал Восток с целью победить его и подчинить себе, то его русский коллега брался за изучение восточной культуры, мечтая раствориться в ней и со временем стать полностью «своим». Это, разумеется, не упрек первым и не комплимент вторым, а лишь констатация объективной реальности.

Подводя итоги, можно утверждать, что за прошедшие три десятилетия российские востоковеды во многом выиграли в сравнении со своими предшественниками, востоковедение же в целом, скорее, проиграло: в то время как самим востоковедам стало во многом гораздо лучше жить и работать, общий

уровень отечественного востоковедения существенно понизился, и отчетливых перспектив его улучшения, к сожалению, пока не просматривается.

От редакторов: взгляд из России

Важность темы, поднятой в статье П.Э. Подалко, не вызывает сомнения. Необходимость такого разговора назрела уже давно. Со многими оценками автора относительно состояния современного российского японоведения мы можем лишь согласиться. Тем не менее нам представляется, что необходимо внести в них определенные уточнения и добавления. Речь пойдет прежде всего о дисциплинах «классического» цикла.

Автор исходит из следующей схемы: в советский период с японоведением дело обстояло прекрасно («достижения российского японоведения в дореволюционный и советский периоды достаточно хорошо известны»), но с распадом СССР все стало намного хуже. В данном случае мы не станем обсуждать дореволюционный период, поскольку отечественное японоведение только зарождалось, хотя после Русско-японской войны и был заложен достаточно прочный фундамент для будущих исследований.

Советский период — понятие протяженное, здесь необходим более дифференцированный подход. Если говорить предельно коротко о довоенном времени, то те талантливые и квалифицированные специалисты, которых породила дореволюционная Россия, не сумели реализовать свой потенциал по не зависящим от них причинам. В первые годы советской власти были впервые в мире изданы некоторые замечательные произведения японской литературы («*Исэ-моногатари*», «Любовь глупца» Танидзаки Дзюнъитиро, рассказы Акутагавы Рюноскэ и др.), но это многообещающее начало не имело продолжения.

Для большевистской идеологии «национальное» являлось «буржуазным предрассудком», понятие «национальной культуры» коммунистов не интересовало, марксистская теория социально-экономических формаций делала упор на всеобщих закономерностях исторического процесса, в котором региональное своеобразие не играет существенной роли. Стоит ли удивляться, что культурологические штудии не поощрялись. В условиях тотальной цензуры это означало почти полный запрет на исследования японской культуры.

Изошренные попытки Н.И. Конрада и его соратников «протащить» классическую японскую литературу в публичное пространство закончились трагедией. Прекрасный сборник «Восток» (1935 г.), в котором были помещены переводы японской классической литературы, удостоился разгромной рецензии, в которой, в частности, утверждалось, что синтоистские молитвословия норито «были средством угнетения и эксплуатации» (*Мацокин Н.* Несколько замечаний о японской феодальной литературе и ее переводах // *Революционный Восток.* 1935. № 6. С. 102). В самом скором времени многие ведущие специалисты были арестованы как «японские шпионы». Если говорить только об авторах «Востока», то Н.А. Невский был расстрелян, в лагерях оказались сам Н.И. Конрад, Е.М. Колпакчи, А.Е. Глушкина.

Может быть, лучше обстояло дело с историей? Ведь именно история должна была объяснить советскому человеку неизбежность построения коммунизма. Увы, в довоенное время была издана одна-единственная «сквозная» история Японии, которая абсолютно не соответствовала тогдашнему мировому уровню (Жуков Е. История Японии. Краткий очерк. М.: Государственное социально-экономическое издательство, 1939). А ведь по этой книге обучались студенты еще в 1960–1970-х годах! Что уж говорить об исследованиях по японским религиям: несмотря на понятную каждому ученому важность этой проблематики, она была практически табуирована.

Ситуация, сложившаяся с японистикой, была отнюдь не исключительной для советской довоенной гуманитарной науки, которая демонстрировала колоссальное падение уровня, обусловленное идеологическими и цензурными причинами. Почти полная непроницаемость границ не позволяла советским ученым (в отличие от ученых царской России, обучавшихся в японских университетах) совершенствовать свои знания в изучаемой ими стране. А.Е. Глускина была, кажется, последним гуманитарием, посетившим в 1928 г. Японию с академическими целями.

Послевоенная японистика восстанавливалась в СССР с огромным трудом. Япония еще долгое время оставалась закрытой для ученых и студентов страной (первые советские студенты отправились на стажировку в Японию в 1974 г.). Цензурные ограничения чуть ослабли, но все равно объятия цензуры были удушающими. Тем не менее в переводах художественной литературы можно говорить о существенном продвижении вперед. Именно тогда вышел в свет ряд произведений классической японской литературы и современных писателей первого ряда — Акутагава Рюноске, Кавабата Ясунари, Танидзаки Дзюньитиро, Абэ Кобо и др.

Однако об исследовательских работах такого не скажешь — редакторская цензура порождала и самоцензуру. Одному из авторов этих заметок пришлось присутствовать при разговоре, когда возмущенная редакторша выговаривала обескураженному автору: «Вам зарплату за то платят, чтобы вы марксистами были». Речь шла о сочинении по древней истории. По эпохе Токугава вышло несколько работ, правда, исследовательский пафос был направлен на то, чтобы, в соответствии с марксистской парадигмой прогресса, выискать в токугавской Японии признаки капиталистического общества, чего там, разумеется, не было и в помине. Работы по более поздним периодам были еще более идеологически ангажированы. Об исследованиях по религиям вообще сказать почти нечего. Первая сколько-то беспристрастная работа (С.А. Арутюнов и Г.Е. Светлов, «Старые и новые боги Японии») появилась только в 1968 г. К этому времени мировая японистика продвинулась далеко вперед, советская от нее отстала очень существенно. Ситуация стала выправляться только в «перестройку».

Таким образом, декларируемые П.Э. Подалко «достижения» советского японоведения весьма и весьма проблематичны. И «вина» за это лежит не столько на ученых, сколько на общем строе жизни, который определялся отнюдь не учеными.

Развал Советского Союза и его идеологических установок привел к колоссальным последствиям не только для страны в целом, но и для науки в частности. Эти последствия оказались крайне противоречивы. Если катастрофическое недофинансирование науки в 1990-х годах еще можно понять, то сохранение такого положения уже в более благополучные годы вызывает только оторопь. Если говорить конкретно о японистике, то она, в сравнении со многими другими востоковедными направлениями, оказалась в лучшем положении благодаря поддержке японской стороны. Исследовательские и издательские гранты Японского Фонда (и не только его), финансирование изданий современной японской литературы в рамках проекта JLPP (Japanese Literature Publishing Project), возможность работать в японских университетах позволили избежать повального бегства японистов из профессии. Вкупе с отменой цензуры это позволило достичь небывалого расцвета японоведческих исследований. Началась достаточно интенсивная работа по «латанию дыр». Наконец-то появились достаточно многочисленные переводы тех памятников, без которых нельзя говорить о состоятельности отечественной японистики. Некоторые старояпонские тексты из всех европейских языков стали доступны только на русском. За короткое время количество серьезных публикаций резко возросло. Был наработан неплохой задел по древней истории, российско-японским отношениям, айнам, религиям. Начали разрабатываться и культурологические темы, которые оставались вне рамок советского японоведения.

Воздух свободы позволил организовать без всякой государственной или спонсорской помощи ежегодную конференцию «История и культура Японии» — мероприятие, немислимое для советского периода, когда никаких постоянных японистических конференций не существовало. В настоящее время подобные ежегодные конференции проводятся и под эгидой Ассоциации японоведов, и в Санкт-Петербургском университете.

Сказанное не позволяет согласиться с глобальным выводом П.Э. Подалко, что за прошедшие три десятилетия «общий уровень отечественного востоковедения существенно понизился». Наоборот: он существенно повысился. Это не отменяет того факта, что на книжном рынке появляется не так мало изданий, профанирующих нашу профессию. К сожалению, это входит в правила «рыночной игры», когда ставка — осознанно или неосознанно — делается не на постижение истины, а на ее искажение. Но всякий, кто знаком с ситуацией в других странах и в самой Японии, безусловно, знает, что и там количество японистической макулатуры огромно.

Тем не менее следует признать, что о послесоветском «расцвете» можно говорить только потому, что японистика советского времени находилась на столь низком уровне. Этот «расцвет» обеспечивался усилиями прежде всего старшего и среднего (тогда) поколения, достававшего из письменных столов свои прежние наработки. Некоторые из этих ученых еще продолжают работать по инерции, но они уже находятся на излете своей профессиональной деятельности. Приток же молодых кадров происходит много медленнее, чем хотелось бы.

Никакая сторонняя помощь не может кардинально изменить общую ситуацию в стране. А она стала такова, что профессия ученого потеряла свою престижность, так что аспирантов стало меньше, далеко не все из них защищают диссертации и остаются в академической сфере.

Вопрос о тиражах. Советский Союз называли «самой читающей страной в мире» не без причины. Назвать нынешнюю Россию такой страной уже не поворачивается язык. Падение статуса книги на Западе и в Японии происходило более или менее постепенно, в России же оно случилось обвальное. На наших же глазах случилось и значительное понижение общеобразовательного уровня «среднего» читателя. Это мгновенно сказалось на статистических показателях, имеющих отношение к «серьезному» чтению: количество его потребителей резко сократилось. И если в 1970–1980-е годы даже профессиональные исследования японистов были прочитаны многими, то теперь они стали достоянием профессионалов, интеллектуалов и особых любителей Японии. Если для позднесоветского времени знание таких произведений классической литературы, как «Записки у изголовья» Мурасаки Сикибу или «Манъёсю», было для всякого «интеллекта» практически обязательным, то теперь это удел немногих. С научным переводом «Записок от скуки» («*Цурэдзурэгуса*») В.Н. Горегляда ознакомились самые широкие круги интеллигенции, новый же перевод, рассчитанный на более массовую аудиторию (*Ёсида Канэси. Записки на досуге / пер. А.Н. Мещерякова. М.: Наталис, 2009*), обрел совсем немного читателей. Однако эта ситуация имеет к собственно японской литературе лишь опосредованное отношение: тиражи любой классики и «серьезной» литературы в новой России упали. Советская власть «подморозила» литературную классику, которая в СССР обладала очень высоким статусом. С концом СССР ситуация изменилась радикально. А это означает, что «интеллигенция» в ее прежнем понимании перестала существовать. В современной России не так мало «фанатов» японского, но для них это «японское» имеет, скорее, внетекстовое измерение (манга и аниме, еда, боевые искусства, икэбана, бонсай, цветная гравюра и т.п.).

Мы коснулись проблем истории отечественного японоведения только пунктирно. Многие из них рассмотрены намного основательнее в другом, доступном любому читателю и автору, издании (*Мещеряков А.Н. Япония. В погоне за ветром столетий. М.: Лингвистика, 2022*).

К сказанному выше добавим лишь наше недоумение по поводу следующего тезиса автора: «...если западный европеец или американец видел в жителях восточных стран в первую очередь объект захвата и присвоения, то русские в силу особенностей своей географии и истории делали ставку на взаимодействие и интеграцию». Затронутая проблема весьма тонка и сложна. Фактом, однако, остается почти полное отсутствие серьезного «постколониального дискурса» в России, что свидетельствует о неразвитости исторической рефлексии даже в ученом сообществе.

Теперь подробнее про текущую ситуацию. Многие из проблем, затронутых в статье П.Э. Подалко, относятся не только к японоведению, а ко всем отечественным гуманитарным наукам. Это и отток специалистов за рубеж, и уход

многих ученых из научной работы в другие сферы, и как следствие — поколенческий разрыв: в России XXI в. начинающие исследователи учатся у тех, кому могли бы приходиться «внучатными учениками», а число учителей из условного поколения «родителей» крайне невелико. Надо отметить, что многие наши коллеги, работая в мировых научных центрах, не теряют связи с родным сообществом, и тому немало примеров дают семинары и конференции Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ.

Это также и трудности, связанные с преобразованиями в области вузовской и академической науки в России, идущими все эти тридцать лет. Здесь, однако, мы должны заметить, что система грантов российских фондов, поддерживающих научные исследования, для многих ученых оказалась спасительной: без такой поддержки ряд работ, вышедших в России в постсоветские годы, не были бы подготовлены и изданы. Сайт Российского научного фонда (URL: <https://rscf.ru/>) приводит данные о шести продолжающихся сейчас проектах, где в ключевых словах означены «Япония» и «японский», и это, как мы считаем, немало.

Начиная с середины 2010-х годов критерий того, что человек занимается наукой и может считаться ученым, выглядит простым: требуется публиковаться в научных журналах, то есть (теоретически предполагается) регулярно выдавать результаты исследовательской работы. Раньше наибольшее число публикаций у исследователя приходилось на периоды перед защитами диссертаций, кандидатской и докторской, после защит наступали перерывы — а после перерывов выходили монографии, крупные переводы, учебники, курсы лекций. Сейчас ежегодно выпускать статьи приходится каждому: хотя нагрузка, например, вузовского преподавателя оставляет на исследования ничтожно мало времени, критерий одинаков для всех. Ведет ли эта публикационная гонка к расширению исследований и (тем более) их углублению, повышению их качества — вопрос весьма спорный, но в этом смысле японоведы находятся в том же положении, что и ученые других специальностей.

Мы бы хотели назвать несколько особенностей, которые, как мы считаем, свойственны японоведению. Они опять-таки не уникальны: отчасти присущи всему востоковедению, отчасти — всем малолюдным дисциплинам (в этом смысле японоведы ближе, скажем, к латинистам, чем к китаистам), отчасти — всем тем областям гуманитарных наук, где в советские годы по внеученым причинам образовался большой разрыв и все еще идет «догоняющее развитие» (таково, например, изучение японских религий — как и истории религий в целом).

Что касается «погружения в среду», то в этой области последние десятилетия многое изменили, и сейчас это — в большей мере вопрос временных затрат, нежели пространственных перемещений (разумеется, для тех, кто работает с письменными источниками, а не ведет полевые исследования). Как показал вынужденный эксперимент времен пандемии, и контакты с коллегами, и работа в японских библиотеках и архивах возможны в удаленном режиме. Мы не устаем благодарить японских коллег за их огромный труд по оцифровке источников и исследовательских работ, за открытый доступ к прекрасно организо-

ванним сетевым базам данных. Разумеется, работа с подобными материалами не заменяет исследований в самой Японии, но и не учитывать этого богатства было бы неправильно.

«Ученый, использующий [только] переводные материалы и другие вторичные источники» в современном российском японоведении — как мы надеемся, фигура, уже отошедшая в прошлое. «Знарок культуры и истории той или иной восточной страны (на основании личного опыта работы и проживания в ней)» — определение, под которое могут подходить как ученый, так и кто угодно другой: дело зависит от того, какой именно работой человек занимался в стране, где жил, и в каком виде обнаружит свой опыт. Мы бы предложили несколько иную классификацию ученых-японоведов:

- 1) переводчик, чьи переводы в каком-либо виде становятся достоянием науки (устное наследие переводчиков, увы, до недавней поры не сохранялось);
- 2) преподаватель японского языка и/или каких-либо японоведческих дисциплин;
- 3) собственно исследователь «со знанием восточного языка» (японского);
- 4) мастер научно-популярных жанров (письменных и устных);
- 5) редактор научных и/или научно-популярных публикаций.

Для каждого из этих научных амплуа можно привести примеры наших предшественников, на кого хотелось бы равняться. Но условия современной работы японоведа в России таковы, что почти каждому из нас приходится выступать во всех этих качествах: ограничиться каким-то одним направлением работы невозможно, если не имеешь доходов вне японоведческой профессии. Отсюда — «лекторы поневоле», «переводчики поневоле», и что особенно печально, «исследователи поневоле». Как это преодолеть, мы не знаем, можем только учитывать это при оценке трудов коллег.

Но есть универсальность вынужденная — а есть другая, она связана, скорее, со стереотипами насчет «востоковедения», от которых, как мы считаем, пора отказаться. Погружение в изучаемую среду — в определенную ее часть, на определенный уровень — предполагает, что ни один ученый не может ответственно рассуждать обо всей этой среде. Наверное, тем из нас, кто работал в 1990-е, доводилось слышать от окружающих просьбы перевести с японского инструкцию к японскому лекарству или бытовому прибору — и отказываться: «я не медик», «я не электротехник» (если действительно не имеешь навыка перевода в именно этих областях). Думается, на нынешнем уровне развития — и неизбежной специализации — японоведческих дисциплин вполне правомерно точно так же говорить: я японоведа, но не историк (не лингвист, не политолог и т.д.), хотя бы для себя четко определять область своей ответственности. Мы говорим не о подготовке японоведа в пору учебы и дальнейшего самообразования — она должна быть как можно более широкой и разнообразной; не о замыкании отдельных условно различаемых дисциплин внутри них самих — работа на стыке истории и религиоведения, истории политической и истории литературы и т.д. бывает весьма плодотворной; мы говорим лишь о точном определении того, что именно каждый из нас делает как ученый в размытых границах «востоковедения».

Малое число японоведов оборачивается тем, что круг экспертов в нашей области весьма узок. Именно это, на наш взгляд, составляет главную проблему для получения ученой степени: диссертационный совет найти проще, чем подобрать оппонентов. Это же сказывается и на научных периодических изданиях, где публикуются итоги исследований: крайне непросто бывает найти рецензента без конфликта интересов, эксперта, с кем автор не работает в одном научном учреждении, не сотрудничает по каким-либо проектам. Что до сокращения тиражей научных изданий, то оно по большей части все-таки сопровождается их размещением в сети, что существенно расширяет аудиторию даже по сравнению с многотысячными тиражами прошлых лет. Мы не можем сказать этого о нашей серии книг, но, например, журнал «Японские исследования» и ежегодник «Япония» выкладываются в открытый доступ, как и многие другие научные журналы, сборники и альманахи. Но когда, вынужденным образом, в изданиях более широкой направленности экспертная оценка японоведческих работ ведется коллегами, чья специальность лишь условно смежна с нашей, это и ведет к тому, что в качестве научных статей публикуются тексты о «Японии вообще», тексты, возможно, полезные лет пятьдесят назад, но не учитывающие почти ничего из сделанного в российском японоведении за эти годы. Словами «страна мечты» можно обозначить не только установку самих японоведов, но также (и даже чаще) установку читателей, а значит, и редакторов: от текста про Японию ожидается, что это будет нечто красивое и не слишком сложное. Преодолеть такую установку возможно, если предлагать действительно научные работы в том числе и в неспециальные издания, сохраняя при этом традиции отечественного японоведения, которых терять не хотелось бы: например, язык, свободный от нарочитого наукообразия. Так история японской мысли может выйти из рамок «востоковедения» и занять естественное для нее место в истории мировой философии, и точно так же — история литературы, искусства, религий Японии и т.д.

Еще одна традиция нашего японоведения такова, что большая научная работа — это чаще перевод источника или группы источников с комментарием и сопроводительным исследованием, а не авторская монография. Здесь возникает некий издательский парадокс. Монографию проще привести к стандартному формату (по объему, по структуре научного аппарата и т.д.); следовательно, проще решить, что считать законченной научной работой, готовой для публикации. Издания переводов стандартизировать труднее, а значит, труднее и довести до публикации подготовленный перевод; опыт больших проверенных временем серий, таких как «Памятники письменности Востока», тут помогает лишь отчасти. А серии монографий отечественных научных издательств и сами по себе немногочисленны, и японоведческие тома в них появляются редко. Исключения составляют собственные издания академических институтов и нескольких крупнейших вузов, а также «Гипериона» и «Петербургского востоковедения»; их библиография за последние годы обширна. Но, как представляется, научных книг могло быть еще больше — если бы нашему сообществу удалось представить итоги своей работы как книги по истории, религиоведению,

истории литературы, а не по «Востоку», в котором (согласно расхожему доводу) «никто кроме вас все равно ничего не понимает».

И еще одна трудность, с которой справиться по силам именно сообществу японоведов: наши книги, будь то монографии, издания переводов, сборники статей или опыты в других жанрах, почти не обсуждаются в кругу коллег, во всяком случае — гораздо меньше, чем труды российских китаистов или индологов, а с ситуацией, например, в англоязычном научном сообществе нашу невозможно и сравнивать. Разделы критики в японоведческих периодических изданиях — и те заполняются с трудом (надо сказать, редакторы прилагают немалые усилия, чтобы все-таки получить рецензии), а встретить отклик на книгу японоведа в каком-либо другом журнале почти невозможно. Это плохо не только потому, что книги проходят незамеченными, а многим авторам нужна обратная связь, чтобы решить, куда двигаться дальше. Это плохо еще и потому, что без квалифицированных рецензий трудно провести грань между изданиями собственно научными и научно-популярными; научными, псевдонаучными и вненаучными. Без них трудно держать в активном состоянии навык оценки японоведческой работы — в том числе и своей собственной. Очень хотелось бы, чтобы рецензий и обсуждений стало больше.

Значительная часть статьи П.Э. Подалко посвящена благотворности пребывания ученого в изучаемой стране. Трудно не согласиться с этим. Однако с сожалением констатируем, что изменившаяся ситуация решительно сократила возможности студенческих и научных стажировок, (почти) прервала контакты с зарубежными исследователями, (почти) ликвидировала помощь со стороны японской стороны. Для оптимизма остается не так много места. В этом смысле, как справедливо говорит автор, «отчетливых перспектив его [японоведения] улучшения, к сожалению, пока не просматривается». Где же выход? Кажется, он только один: несмотря на все сложности, делать свое дело как можно лучше. И при этом утешаться тем, что бывали времена и потруднее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru